

Теория и история культуры, искусства.
Раздел «Междисциплинарные связи
и интегративные тенденции
в исследованиях природных
и социокультурных систем»

УДК 39

EDN VZBREF

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-33-45>

Между естествознанием и этнографией: к вопросу о соотношении биологического, этнического и социального

В. Ю. Ермолаев ¹

¹ Независимый исследователь, 190000 г. Санкт-Петербург, ул. Почтамтская, 1, а/я 12

Для цитирования:

Ермолаев, В. Ю. (2025) Между естествознанием и этнографией: к вопросу о соотношении биологического, этнического и социального. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 7, № 1, с. 33–45.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-33-45> EDN VZBREF

Получена 10 декабря 2024; прошла рецензирование 20 января 2025; принята 30 января 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © В. Ю. Ермолаев (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии ССВУ-NC 4.0.

Аннотация. Проблема соотношения биологического, этнического и социального исторически актуальна для пассионарной теории этногенеза Л. Н. Гумилева. Она продолжает оставаться таковой и сегодня. Современная этнография, в том числе в Санкт-Петербургском государственном университете, сохраняет прежнее непонимание сути гумилевской парадигмы в этой части; вместе с тем она пытается сформулировать псевдолояльное отношение к гумилевскому наследию. Эту псевдолояльность вполне доказывает тезис этнографов о тождестве цивилизации и суперэтнуса по Гумилеву, тогда как цивилизация представляет собой лишь временную социальную оболочку суперэтнуса. Автор показывает таким образом, что современные этнографы и культурологи по существу находятся за пределами того естественнонаучного (натуралистического) взгляда на этногенез, который внес и отстаивал Гумилев. Исходя из этого, в статье обсуждается возможность выработки непротиворечивого взгляда на соотношение биологического, этнического и социального на основе представлений о кооперативном поведении людей, внесенных синергетикой. Основой для такого взгляда является понимание природы этнической системы по Гумилеву как локального случая синергетической адаптации к среде при помощи кооперативного поведения. При этом автор отстаивает представление о кооперативном поведении людей как странном аттракторе, отвечающем за перенос вещества, энергии и информации между тремя несовпадающими уровнями структурной организации. Подобное представление позволяет объяснить, в частности, периодически наблюдаемые несоответствия между тяжелыми социальными условиями жизни цивилизации и тем высоким уровнем культуры, который она способна поддерживать. Исходя из этого, теория этногенеза Гумилева должна рассматриваться и использоваться прежде всего как внешний инструмент культурологических исследований. Как представляется, в этом качестве она может способствовать выработке современной синергетической парадигмы для культурологии.

Ключевые слова: социальное и этническое, теория этногенеза Гумилева, культурология, этнография, Санкт-Петербургский государственный университет

Between natural science and ethnography: On the relationship between the biological, ethnic and social

V. Yu. Ermolaev ¹

¹ Independent researcher, Post office box 12, 1 Pochtamtskaja Str., Saint Petersburg 190000, Russia

For citation: Ermolaev, V. Yu. (2025) Between natural science and ethnography: On the relationship between the biological, ethnic and social. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 1, pp. 33–45. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-33-45> EDN VZBREF

Received 10 December 2024;
reviewed 20 January 2025;
accepted 30 January 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © V. Yu. Ermolaev (2025).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)
License 4.0.

Abstract. Correlation between the biological, ethnic and social has been of historical importance to L. N. Gumilev's passionarity theory of ethnogenesis and remains so today. Modern ethnography, including at Saint Petersburg State University, continues to misunderstand the essence of this part of the Gumilev paradigm while attempting to form a pseudo-loyal attitude to Gumilev's legacy. This pseudo-loyalty is well demonstrated by ethnographers' thesis about the equivalence of civilisation and super-ethnos according to Gumilev, whereas civilisation is actually only a temporary social shell of super-ethnos. This paper shows that modern ethnographers and culturologists essentially stay beyond the scientific (naturalistic) approach to ethnogenesis introduced and defended by Gumilev. It therefore discusses the possibility of developing a consistent view of the relationship between the biological, ethnic and social based on the concepts of cooperative human behaviour put forward by synergetics. This perspective taps into Gumilev's understanding of the nature of the ethnic system as a local case of synergetic adaptation to the environment through cooperative behaviour. We argue for viewing cooperative human behaviour as a strange attractor responsible for the transfer of matter, energy and information between three divergent levels of structural organisation. This view specifically explains the periodic discrepancies between the harsh social conditions of civilisation and the high level of culture it is able to maintain. Given this as a basis, Gumilev's theory of ethnogenesis should be primarily seen and used as an external tool applied in culturology. As such, it can contribute to the development of a modern synergetic paradigm for culturology.

Keywords: the social and the ethnic, Gumilev's theory of ethnogenesis, culturology, ethnography, Saint Petersburg State University

Критическое значение для развития научно-го знания в любой области имеет определение основных понятий. Как только их определенность нарушается, вместе с ней нарушается целостность научной парадигмы. Как следствие, предмет науки размывается, а сама наука потихоньку прекращает свое существование, превращаясь в очередную разновидность нерелигиозной рефлексии.

Убедительной иллюстрацией тому служит история классической кибернетики. Как известно, Норберт Винер определил ее как науку об управлении в животном и машине. Но однажды с легкой руки У. Р. Эшли было выдвинуто утверждение о том, что кибернетика, собственно, не наука, а стиль мышления. И это утверждение оказалось в подлинном смысле слова роковым для судеб молодой кибернетической науки. Увлеченные люди начали подтаскивать под стиль мышления все, что ни попадя. В базовый словарь «новой кибернетики» вошли рекурсивность как самозависимость информационных сообществ, групповое взаимодействие на разных иерархи-

ческих уровнях, редукция как способ разрешения противоречий между ними и т. д., и т. п.

Как и всегда в жизни, делалось все это как из самых лучших, так и не самых достойных побуждений. Но отнюдь не этические мотивации людей предопределили конечный результат. Ко второй половине 1980-х предмет классической науки оказался настолько неопределенным, что стал очевиден ее кризис. В результате весь накопленный багаж, все усилия поневоле переместились в инженеррию. Главной задачей кибернетики стали полагать автоматизацию вначале управления, а затем и всего умственного труда (Глушков 1986, 384–469). А развитие кибернетики как науки об управлении практически прекратилось. Сегодня кибернетика де-факто поглощена теорией самоорганизации сложных систем.

Вопрос о закономерности, или плодотворности этого поглощения, конечно, лежит за пределами нашей темы. Вспоминая о кибернетике, мы хотели обратить внимание на опасность, которую несет трансформация базовых научных

понятий. Такая опасность кратно возрастает там, где речь идет о новых, еще неустоявшихся областях научного знания.

Само собой разумеется, что эта трансформация не может быть сведена только к мнениям отдельных людей. Не в отдельных людях как таковых, а в специфике человеческого восприятия содержательных рамок лежит источник деградации понятийного аппарата. Доказательство тому представляет сегодняшняя ситуация вокруг пассионарной теории этногенеза Льва Николаевича Гумилева.

Si la crème est comme ça...

В становлении теории этногенеза Гумилева взаимосвязь биологического, этнического и социального представляет исторически болезненный сюжет. Основная претензия, предъявляемая гумилевской теории в советское время, касалась как раз создания Гумилевым «биолого-географической концепции» этногенеза, т. е. отказа от взгляда на этнос как на социальное образование (Бромлей 1981, 10; 1983, 20; Козлов 1974, 72–83; 1979, 14). Сегодня давняя претензия обрела иную, псевдоложальную форму. Эта псевдоложальность настолько показательна, что ее стоит рассмотреть подробнее.

Справедливости ради надо сразу отметить, что в вопросе о соотношении биологического, этнического и социального гумилевская теория этногенеза 1980-х годов оставалась весьма уязвима. Последнее вполне естественно. Гумилев, вырабатывая свой несоциальный взгляд на историю, физически не мог проработать и детализировать все сразу. Он стремился показать и доказал главное: этнос — это не социум, не популяция и не раса; этнос — это реальное адаптационное звено между обществом и природой (Гумилев 1990, 40–42, 50–51, 180–182, 224–226). Но конкретные механизмы взаимодействия биологического, этнического и социального, конечно, остались за рамками гумилевского трактата. А значит — осталось, увы, пространство для элементарного непонимания и предвзятых толкований гумилевского подхода.

Особенно показательно, что такие деформации и ныне благополучно существуют не где-нибудь, а в Санкт-Петербургском государственном университете, т. е. там, где Лев Николаевич много лет преподавал и где впервые увидел свет его основной печатный труд (Гумилев 1989а). Например, в последнем по времени университетском обзоре развития этнографии и антропологии основное научное достижение Гумилева описывается так: «...концептуальные

закономерности циклического существования как отдельных этносов, так и их конгломератов — суперэтносов, которые в науке чаще принято называть цивилизациями» (Кропачев и др. 2024, 836; курсив мой. — В. Е.). Таким образом, в понимании соавторов суперэтнос, по Гумилеву, есть иначе названная цивилизация, и только! При этом высокий статус соавторов дает все основания полагать, что приведенный тезис представляет устоявшуюся, официально выражаемую точку зрения, которая продолжает гумилевскую университетскую традицию.

Но помилуйте: разве тождество или различие объектов изучения определяется их названиями?! По Гумилеву, сходства и различия систем определяются не наименованиями, а характером системных связей между структурными элементами (Гумилев 1990, 102–103). Именно в этом смысле Гумилев считал одним из источников пассионарной теории этногенеза системный подход Л. фон Берталанфи.

Системные связи цивилизации представляют собой разнообразные политические, экономические, культурные и прочие сознательные отношения людей. В широком смысле слова все это и есть социальные отношения. К. П. Иванов еще в 1980-х годов убедительно показал, что как таковые социальные отношения неотделимы от человеческого сознания. В частности, в итоговых выводах он блестяще суммировал: «...социальное от несоциального отличается только сознательным отношением человека. Там, где нет сознательного отношения, там не может быть и социального, там — природное, в том числе и общественное» (Иванов 2002, 48; курсив мой. — В. Е.).

При этом Гумилев никогда не понимал системные связи суперэтноса как сознательные связи между людьми. Напротив, Лев Николаевич неоднократно подчеркивал, и подчеркивал вполне справедливо, что системная связь в этнической системе суть *ощущение комплиментарности*, лежащее вне пределов сознания (Гумилев 1990, 232). Именно поэтому можно сознательно сменить, например, гражданство как политическое отношение к государству, а вот принадлежность к этнической системе сознательно убрать никак не получится (Ермолаев 2024, 125). Российские предприниматели и представители т. н. «креативного класса», не так давно бежавшие за рубеж, убедились в этом на собственном опыте. Они как были суперэтнически чужими за границей, так ими и остались, причем хоть на Западе, хоть на Востоке.

«Цивилизация» это отнюдь не сам суперэтнос, а лишь его этносоциальная форма, т. е.

временная социальная оболочка. Поэтому-то так часто имеет место смена «цивилизации» при сохранении суперэтнуса как потока кооперативного поведения. Российский суперэтнос последовательно имел этносоциальные формы великого княжества Московского, Московского царства, Российской империи и Советского Союза. Все эти «цивилизации» благополучно уходили в прошлое, а российский суперэтнос продолжал существовать! Последняя смена его этносоциальной системы произошла на наших глазах. Крах СССР, который его адепты часто называют «советской цивилизацией», тоже не стал концом российского суперэтнуса. Живым доказательством тому — война на Украине, в ходе которой граждане Российской Федерации в кооперативном поведении отстаивают наше исторически сложившееся суперэтническое своеобразие.

Следовательно, прокламируемое университетскими этнографами и искусствоведами тождество цивилизации и суперэтнуса находится в явном противоречии с реальной картиной поведения. Как они умудряются этого противоречия не видеть — непонятно. Поэтому мы рискуем очередным обвинением в органицизме и иллюстрации ради опустимся с уровня суперэтнуса на очевидный уровень личности. Вот генерал заслужил и носит китель с золотым шитьем и орденами. Но китель-то это все-таки не сам генерал с его своеобразным поведением! При удаче генерал может сменить китель на дорогой пиджак сенатора, а при неудаче — на казенный ватник. Тому, кто этого не учитывает, можно лишь посочувствовать.

Торжество наивного этнографического номинализма в Санкт-Петербургском университете тем более удивительно, поскольку один из соавторов ранее писал: «Базовой аксиомой учения Л. Н. Гумилева является утверждение, что этнические системы — природные феномены» (Новожилов 2012, 170). Насчет собственно природной феноменологии сказано верно, но... Ведь из этого самого утверждения как раз и следует, что суперэтнос и цивилизация суть несопадающие множества с системными связями разной природы.

А вот в части аксиоматики мы встречаемся с явной деформацией границы понятия. Гумилев никогда не постулировал природный характер этнической системы, а, напротив, многократно доказывал его (Гумилев 1989b, 37–38, 44–45, 298; 1990, 174–175, 272–274). Аксиомой же гумилевской теории выступал всеобщий характер этнической принадлежности: «Несомненно одно — вне этноса нет ни одного человека на Земле»

(Гумилев 1990, 22). Это положение Лев Николаевич действительно принял сразу: без доказательства в силу очевидности. Впоследствии аксиома всеобщности была дополнена Гумилевым и автором этих строк свойством уникальности: «Каждый принадлежит к какому-нибудь этносу *и только к одному*» (подр. см.: Гумилев, Ермолаев 1992, 8; *курсив мой.* — В. Е.).

Именно аксиоматика всеобщей определенности этнического ощущения раскрывает нам подход к изучению этнического. Допустите, что Гумилев прав и каждый из нас принадлежит к какому-то одному определенному этносу. Значит, любые человеческие коллективы без изъятия представляют собой этнические структуры порядка (подр. см.: Ермолаев 1990). Соответственно для исследователя этногенеза все кооперативное поведение каждой структуры порядка и вся совокупность порождаемых этим поведением исторических событий есть этническая история отдельного суперэтнуса. *Вот почему в рамках гумилевского подхода все поведение человека понимается как этническое по своей природе. Необходимо особо подчеркнуть: этот способ понимания представляет собой допущение. Названное допущение отнюдь не означает, конечно, что реальное поведение человека является только и исключительно этническим.* Ведь те же самые события, которые мы полагаем событиями этнической истории, для социолога будут событиями социальной истории, а для биолога — историей эволюции вида. Задача каждого здесь состоит в том, чтобы с ясным пониманием неполноты предпринимаемого им описания анализировать ряды исторических событий на своем уровне структурной организации.

Поэтому всякий выход за пределы рассмотрения событий поведения в едином этническом аспекте означает одновременно выход за пределы гумилевской аксиоматики этнической истории, а значит — и за пределы пассионарной теории этногенеза. Легко показать, что классические этнографы пребывают за пределами гумилевской теории даже тогда, когда искренне полагают, будто они развивают ее отдельные положения.

Так, отвергая предложенный в свое время автором этих строк опыт оценки пассионарности для субэтнуса и суперэтнуса (Ермолаев 2002a, 2002b), наш критик предельно ясно утверждал: «Ни у какой партии не может быть своего специфического кормящего ландшафта, поскольку партия — по определению часть политической системы. Следовательно, она не может быть этническим коллективом» (Новожилов 2012,

170). Думается, что автора столь категорического взгляда несколько подвело гуманитарное восприятие сюжета^{*}. Ведь кормящий ландшафт этнических систем не ограничивается природными пейзажами с традиционной архитектурой типа Setumaa! У российских коммунистов кормящий ландшафт тоже имелся, причем как раз специфический. Это был искусственный ландшафт стремительно растущих в численности промышленных городов. И усилия на адаптацию к этому ландшафту коммунисты тратили поистине неимоверные. Л. Д. Троцкий без обиняков растолковывал, что политическая роль пролетариата (читай — правящей коммунистической партии. — В. Е.) тем значительнее, чем более город господствует над деревней (подр. см.: Троцкий 1917). В. И. Ленин в своем выступлении на X съезде РКП (б) 8 марта 1921 года так объяснял смысл политики «военного коммунизма»: «Крестьянин должен несколько поголодать, чтобы тем самым избавиться от полного голода фабрики и города» (Протоколы 1933, 39). При производстве партийных переписей 1920-х годов их основных исполнителей — регистраторов набирали только в городах, и лишь в самых крайних случаях привлекали деятелей из сельской местности (Воробьев 2003, 38 со ссылкой на: ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 470. Л. 77).

Что же касается политической системы... Стесняемся спросить — а малые группы сету, вожан, ижоры разве не являются фрагментом политикума Российской Федерации? Они ведь имеют российские паспорта, ходят на выборы, платят налоги. Поэтому как граждане они всяко составляют «часть политической системы» России. Но тогда все эти малые группы уж никак «не могут быть этническими коллективами»! Что же в таком случае много лет изучали этнографы на Северо-Западе?

Допустим, в понимании этнографов существуют как минимум несовпадающие коллективы политические (партии) и этнические (народы). Если руководствоваться этой логикой, то необходимо быть последовательным и начать вы-

делять другие несовпадающие коллективы — экономические (госкорпорации), культурные (творческие союзы), военные (армия и флот), социальные (сообщества волонтеров) и проч., и проч. Но сколько бы коллективов ни насчитать, все равно возникнут неудобные вопросы. Во-первых, исследователь должен будет как-то разграничивать эти коллективы между собой. Какими критериями оценки нужно при этом руководствоваться? Нет ответа. Ясно только, что критерии в любом случае окажутся субъективны, поскольку будут устанавливаться самими этнографами. Во-вторых, несовпадающие коллективы придется как-то выявлять в конкретно-историческом материале. И вот случился, по-модному говоря, реальный кейс. Трое якутов (все, как один, члены «Единой России») заказали себе по традиционному *хотохону* и подписали контракты с Министерством обороны России. И пока они едут в Донбасс на войну, у этнографов остается время подумать — к какому именно типу коллектива этих отважных мужиков нужно отнести. Ведь ячейка из трех членов партии тоже часть политической системы, а она, как мы помним, «не может быть этническим коллективом». По этнографической логике выходит — трое партийных якутов к якутскому народу не относятся вовсе...

Посему само сугубо произвольное деление на коллективы политические и коллективы этнические есть доказательство реального пребывания этнографов вне гумилевской парадигмы. Ибо если мы следуем Гумилеву в постулате о принадлежности каждого к одному определенному этносу, то для нас не может быть никаких других коллективов, кроме этнических коллективов разных уровней иерархии — от отдельного человека до суперэтнуса. Иначе говоря, наблюдатель либо находится в пределах гумилевских аксиом, и тогда рассматривает поведение любых групп людей как эксцесс этногенеза с образованием структур порядка в этносфере, либо находится вне пределов гумилевских аксиом, а значит — изучает свой предмет с применением какого-то иного, но уже заведомо негумилевского подхода. В первом случае он получает возможность развивать пассионарную теорию этногенеза как в целом, так и в частности; во втором случае он такой возможности с необходимостью лишается. Лишается, ибо развитие «отдельных положений теории» с применением иной, извне заимствованной аксиоматики являет собой нонсенс. Перейти к постулатам культурологии и одновременно, исходя из культурологических постулатов, пытаться развивать отдельные

^{*} Так, в одной статье (Новожилов 2012) было воспринято за шутку (!) наше утверждение о желательности измерения пассионарного потенциала в джоулях. Отчего же? По Гумилеву, пассионарность это геобиохимическая энергия живого вещества (Гумилев 1990, 15). Но если так, то она и должна измеряться в джоулях, т. е. в единице измерения, установленной в Международной системе единиц для измерения энергии, работы и количества теплоты. Тот факт, что на сегодня мы не умеем ее исчислить в явном энергетическом эквиваленте, никак не отменяет этого долженствования. *Количественное измерение энергии пассионарности в физических единицах есть пусть сколь угодно далекая, но обязательная цель развития пассионарной теории этногенеза.*

положения теории движения литосферных плит ни у кого не получится. И не потому, что будут смеяться геоморфологи, а потому, что предметом являются разные уровни структурной организации вещества, энергии и информации. Для каждого из таких уровней нужна своя, несовпадающая аксиоматика.

Вот этого несовпадения как чего-то им неподведомственного наши классические этнографы признавать категорически не желают. Отсюда и проистекает их стремление обустроить себе некую «срединную землю» между гумилевской теорией и этнографией. Житейски такая мотивация вполне понятна: хочется и лояльность соблюсти по отношению к общепринятой социально-культурной парадигме, и к себе перенести те отдельные положения пассионарной теории этногенеза, которые выглядят особенно аппетитно... Но, к несчастью для наших оппонентов, такая попытка «сидеть на двух стульях» обречена на неудачу, ибо содержательный выбор делать все равно приходится. Например, обширный список научных трудов нашего критика за 1999–2022 годы (Новожилков... 2025b) зримо свидетельствует, что подавляющее большинство из них — это типичные социокультурные или социально-экономические работы. То небольшое, что представляется как «развитие отдельных положений пассионарной теории этногенеза», зиждется, как мы показали, на явном использовании гумилевской терминологии при неявном отказе от гумилевской аксиоматики. Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что в этом отношении вышеназванный автор отнюдь не являет собой некоего специального, и тем паче злонамеренного исключения. Он интересен именно как типичский пример среди довольно многих историков, этнографов, социологов и философов.

Такого рода примеры, кстати сказать, явно доказывают тщету надежд на принятую у нас западную модель развития так называемой университетской науки. Еще десять лет назад специалисты Российской академии наук предупреждали: университетские научные сотрудники банально не имеют времени на научную работу. Ведь они прежде всего преподаватели и профессора, которые призваны обучать студентов. При этом их загрузка несопоставимо больше, чем у коллег в США или Евросоюзе (Малинецкий 2014). Автора этих строк по понятным причинам нельзя заподозрить в избыточных симпатиях к научным структурам РАН. Но трудно не признать, что в понимании места и значения пассионарной теории этногенеза сегодняшние университеты с очевидностью

проигрывают даже реформированным, сильно ослабленным академическим учреждениям (Ермолаев, Малинецкий 2024, 2025).

Впрочем, о развитии пассионарной теории этногенеза в Санкт-Петербургском государственном университете вряд ли можно говорить, ибо на официальном университетском сайте универсанта Лев Гумилев числится по разделу «Деятели искусств» — вместе с мистиком Николаем Рерихом и певицей Дианой Арбениной (Выдающиеся универсанты 2025). Следовательно, на самом деле наша *alma mater* публично отказывается наследию Гумилева во всяком соответствии критериям научности.

И направленность действий университетских этнографов вполне согласуется с этим мелочным выпадом, сознательно унижающим покойного Гумилева. Ведь прокламируемое ими развитие «отдельных положений пассионарной теории этногенеза» на самом деле представляет собой возвращение назад. Этнографы двигаются от гумилевской теории как частного случая современной теории самоорганизации сложных систем к гуманитарной этнографии прошлого века, пусть и освобожденной от марксистско-ленинских речитативов времен Бромлея и К°. Увы, вместе с ними туда же дрейфует и Санкт-Петербургский университет. Такая траектория движения являет собой отказ от самого главного в гумилевском наследии — естественнонаучного взгляда на историю. Нас движение по подобной траектории не прельщает. Ибо можно смириться даже с ограниченностью наших способностей, но нельзя извинить нашего отступления.

Поведение как странный аттрактор

А каков может быть конструктивный гумилевский подход к проблеме соотношения социального, этнического и биологического? Для начала мы должны принять неприемлемую для монистического социального подхода, но очевидную для синергетики мысль. Применительно к человеку и социологи, и мы, и биологи на самом деле изучаем один и тот же предмет — человеческое кооперативное поведение! Вполне осознавая это, Гумилев писал: «...каждый человек (или человечество в целом) является и физическим телом, и организмом, и верхним звеном какого-либо биоценоза, и членом общества, и представителем народности, и т. п. В каждом из перечисленных примеров предмет (в данном случае человек) изучается соответствующей научной дисциплиной, что не отрицает других аспектов исследования» (Гумилев 1990, 39).

Следовательно, любой акт поведения, видимый в истории как событие, отражает в одно и то же время и социальную, и этническую, и биологическую динамику. А все потому, что человеческое поведение пока слишком сложно для человеческой науки. Она не имеет (по крайней мере, сейчас) даже прообраза инструментов для универсального описания поведения *Homo sapiens*. Поневоле приходится прибегать к расчлененным описаниям: вот вам, дорогие читатели, социум, вот этнос, а тут у нас опыт построения модели для трофических цепей. В таком разделении ничего зазорного нет — оно представляет собой просто этап, который стадially предшествует формированию единой поведенческой картины мира. Зазорна, как нам представляется, поразительная склонность представлять коллегам и публике свои частные описания в качестве окончательной истины.

Отсюда проистекают постоянные и неконструктивные дискуссии на тему: «Что первично?» Эти споры, наряду с профессиональным честолюбием их участников, питаются и провальными попытками кодификации событий. В самом деле, если любое событие в человеческом поведении одновременно отражает и социальный прогресс, и этническую адаптацию, и биологическое воспроизводство, то привязать конкретное событие к определенному уровню структурной организации в принципе невозможно.

В природе не существует и не может существовать объективного критерия, позволяющего кодифицировать событие в качестве только социального, исключительно этнического или полностью биологического. Известно, например, что гусарские полки в XVIII веке набирали преимущественно из малороссов (Шильдер 1901, 277). Почему? Гусары представляли собой хоть и регулярную, но легкую конницу, которая по тактике своих действий была близка казакам. Понятно, что малороссийские рекруты несли известную и привычную им службу с куда большим удовольствием. Но извлекало свою пользу из такого решения и государство российское. Ведь направляя рекрутов из ахтырцев или изюмцев в гусары, военное ведомство не должно было их особо подготавливать: выдавали форму, учили регулярному строю и сравнительно быстро получали вполне боеспособный контингент. *Учет и разумное использование стереотипов этнического поведения сэкономили этносоциальной системе время, силы и деньги.*

Но для классификации такого события, как мобилизация малороссов в гусары, не имеется никаких предпосылок. На каком объективном основании мы можем прелиминарно утверждать:

«это часть политической системы», или «это часть этнической системы»? В контексте кооперативного поведения нет такого основания! Мы можем только наблюдать, как именно разные типы системных связей («биологические», «этнические» и «социальные») взаимодействуют в реальном поведении. Вот почему заведомо тупиковым является стремление специалистов вроде этнографа Новожилова также искусственно классифицировать видимые структуры порядка на коллективы «политические», «этнические» etc. Само стремление к такой классификации идет от глубокого непонимания универсального характера кооперативного поведения. А непонимание это порождается в том числе неприятием гуманитариями натурфилософской, синергетической природы этногенеза.

Таким образом, исходный выбор для получения знания о поведении человека оказывается таков, что исследователь может занять одну из трех позиций. Можно рассматривать поведение как социальное явление, лежащее в том же ряду, что технологическая инновация или фондовый рынок, т. е. понимать его как продукт сознательных отношений людей. Можно, вслед Гумилеву, рассматривать поведение в контексте адаптации к среде, которая обеспечивается благодаря естественным ощущениям комплиментарности, существовавшим у человека задолго до появления сознания. Наконец, можно вслед за биологами и физиологами рассматривать поведение как средство воспроизводства вида. Здесь системными связями будут выступать не отношения и ощущения, а генные и физиологические механизмы организма.

Если мы принимаем социальный подход, то предполагаем, что по сравнению с сознательными отношениями все природные — биологические и этнические — влияния становятся для нас внешними ограничениями. Вот почему западные и наши либералы с таким нетерпением дожидаются смерти Путина и так желают сделать Россию «цивилизованной страной», т. е. лишить ее исторически сложившегося суперэтнического своеобразия.

Если мы отдаем предпочтение этническому подходу, то вслед за Гумилевым считаем, что по отношению к этническому поведению внешними ограничениями выступают все социальные, сознательные отношения и биологические субстраты. Например, широкое распространение виртуальных информационных технологий или пандемии вроде «испанки» 1917 г. или COVID-19 принудительно влияет на кооперативное поведение любых этнических систем как внешний источник, вызывающий смещение.

Если мы выбираем биологический подход, то нормальное функционирование организмов и популяций искажается для нас сигналами из социальной и этнической среды. Биологи не сомневаются, что американская политика сознательного одобрения сексуальных извращений как нормы, равно как и карибская привычка с утра курить крэк ускоряют гибель людей и сообществ, в которых приняты подобные стереотипы поведения.

Подход каждый волен выбрать по своему усмотрению. Только не стоит думать, будто наше исследовательское допущение определит реальный характер поведения. Между тем абсолютное большинство социологов именно в это заблуждение и впадает. Выбрав социальную координату, люди как-то быстро приходят к странному выводу. Собственный выбор в пользу социального взгляда на поведение они принимают за доказательство того, что все остальные подходы неправомочны, а поведение может и должно быть управляемо исключительно социальными мерами.

Однако, выбирая подход, мы всегда выбираем лишь один из возможных инвариантов описания поведения. Наш выбор не означает несостоятельности иного подхода, он лишь фиксирует его положение в системе «нашего» описания как дополнительное.

Поэтому адекватное описание поведения требует не одномерной, а как минимум трехмерной системы координат. Эту систему координат образуют разные уровни структурной организации: биологический, этнический и социальный. Соответственно на каждом из этих уровней идут процессы принципиально разной природы.

На биологическом уровне происходит видовое воспроизводство организма; на этническом — его поведенческая кооперативная адаптация к среде обитания; на социальном — сознательное создание технологий и нарастающее накопление навыков (компетенций), связанных с их утилитарным использованием.

Именно в этой системе координат и формируется человеческое поведение как одновременная функция трех интегральных состояний:

- биологического состояния как уровня биологического здоровья популяции и ее репродуктивных возможностей;
- этнического (пассионарного) состояния как текущей фазы этногенеза этнической системы;
- социального состояния как уровня технологического развития социума.

Подчеркнем, что ни биологическую, ни этническую, ни социальную системы мы в истории непосредственно наблюдать не можем. «В чистом виде» биологическое («вид»), этническое («этнос») и социальное («социум») представляют собой обобщения (абстракции), являющиеся результатом нашего анализа. Но сие, разумеется, не означает, что биологическое, этническое и социальное не являются объективной реальностью. В истории происходит постоянное взаимодействие (сопряжение) этих разных уровней структурной организации. И только благодаря этому взаимодействию существуют те реальные феномены, которые действительно наблюдаемы нами в историческом времени.

Таковы: а) пассионарность, возникающая как результат взаимодействия биологического субстрата и этнической системы; б) этносоциальная система, возникающая как результат локального взаимодействия этнической системы и социума; в) отношение к живой природе как результат взаимодействия социума и биологического субстрата.

Отсюда легко усмотреть функциональное значение поведения. ***Поведение обеспечивает перенос вещества, энергии и информации между разными уровнями структурной организации окружающего нас мира. Благодаря этому переносу становится возможна разнообразная человеческая жизнедеятельность.***

Возьмем для примера тот вид энергии, который нас интересует. Только что родившийся человек представляет собой биологическое тело, еще не имеющее ни этнической принадлежности, ни социального положения. При этом биологическое тело имеет внутри себя как клеточные механизмы адсорбции энергии живого вещества, так и нейронные структуры мозга. Первые делают возможным выработку энергии живого вещества внутри организма; вторые — развитие сознания, т. е. такой специфической формы обратной связи, которая обеспечивает затем технологическое (неприродное) накопление.

И мы видим, что с первых дней жизни новорожденные дети, еще не имея социализации, уже отличаются своим биологическим статусом и поведенческими особенностями. Когда 25 июня (6 июля) 1796 года родился будущий император Николай I, все удивлялись красоте младенца и его огромному для того времени росту в «аршин без двух вершков», т. е. около 62 см. Екатерина II прозвала его *chevalier Nicolas* — «рыцарь Николай». Спустя десять дней, 5 июля по ст. ст., она записала: «Рыцарь Николай

уже три дня кушает кашку, потому что беспрестанно просит есть. <...> Он смотрит на всех во все глаза (*il toise tout le monde*), голову держит прямо и поворачивает не хуже моего» (Шильдер 1903, 1–2).

По мере дальнейшего роста благодаря своей пассионарности человек сначала адаптируется в среде через передачу навыков поведения при воспитании и тем самым обретает этническую принадлежность. Затем он социализируется в процессе образования и тем самым получает то или иное социальное положение. Вся эта поведенческая адаптация, в том числе и образовательная, требует затрат пассионарности. Эти затраты определяют идеал (иллюзорную цель) поведения человека, а тем самым влияют и социальные результаты его поведения. Эти социальные результаты откладываются в социуме и в конечном счете определяют тренд отношения человека к той живой природе, продуктом которой он изначально являлся.

Таким образом, кооперативное поведение людей переносит энергию живого вещества от биологического субстрата через пассионарное (фазовое) состояние в этническую систему, а из нее — в соответствующую ей этносоциальную систему. В этносоциальной системе эта энергия живого вещества (пассионарность) непосредственно расходуется на осуществление работы по адаптации, т. е. производство событий. И только потом социальные результаты этой работы откладываются в социуме как знания и технологические навыки и, наконец, вновь возвращаются во внешнюю среду обитания уже как вещные исторические памятники.

Стало быть, кооперативное поведение людей работает как некий странный аттрактор, «закрученный» против часовой стрелки. Последнее вполне закономерно — ведь каждый эксцесс этногенеза понижает энтропию этносферы, а значит — противостоит ходу времени, которое по общему правилу эту энтропию повышает.

Знание механизма переноса, который обеспечивает странный аттрактор, может принести вполне практическую пользу. Например, в культурологии давно и честно констатировали: «Научные и управленческие учреждения образования не выработали стратегической теории воспроизводства российской нации и ее культуры через системное образование, все его уровни и разновидности (Мосолова 2012, 9, курсив в цитате принадлежит Л. М. Мосоловой). Ни в малой мере не хотелось бы заниматься не своим делом и оценивать успехи социокуль-

турного подхода в образовании. Лишь одно методическое соображение, лежащее в контексте пассионарной теории этногенеза, считаем себя вправе высказать. Если ставилась задача создать социокультурную теорию воспроизводства нации в образовании, то для начала необходимо *описать внешние ограничения такого поведения. А для этого нужно предварительно разграничить нацию как социокультурный конструкт с этносом (народом) как внешним по отношению к нации естественным феноменом.* Но у культурологов-то сама постановка задачи в таком виде вызывает безусловный рефлекс отторжения. Ведь и в университете людям внушали, что нация суть исключительно социальное явление, и в ст. 3 Конституции Российской Федерации говорится про ее «многонациональный народ». Стало быть, народ, даже состоящий из многих социальных наций, тоже есть явление социальное... Какое уж тут разграничение?! Признать же, что в университете тебя успешно научили повторять глупость, — охотников немного. А уж оспаривать эту глупость как конституционную норму... Между тем без учета внешних ограничений создать социальную теорию воспроизводства, описывающую поведение, невозможно. Вот почему системное образование в виде всех его учреждений, уровней и разновидностей не справляется с некорректно поставленной задачей. Иначе и быть не может.

Ибо если не учитывать внешнее влияние этнической системы, то невозможно объяснить даже периодически возникающие несоответствия между состоянием этносоциальной системы («цивилизации») и качеством развития ее культуры. Лев Николаевич в свое время изящно иллюстрировал такое несоответствие: «В эпоху Возрождения человекоубийство было повседневным занятием обитателей Западной Европы, причем имело массовые масштабы» (Гумилев 1990, 411). Не иначе обстояло дело и в России. Апофеоз русской классической литературы пришлось аккурат на социальную реакцию времен Николая I. Эпоха Александра III, который «стеснял печать цензурными установлениями» и вешал террористов, стала временем подлинного расцвета русской реалистической живописи.

Кроме того, сами творцы высокой культуры зачастую выступали как вдохновители кровопролития и активные участники современной им политической борьбы. Так, Петрарка неумеренно восхвалял своего покровителя — миланского тирана Дж. Галеаццо Висконти. При этом тиранию как таковую поэт яростно осуждал.

Представление о реальном умонастроении гуманистов дает одна из инвектив Бокаччо: «Что же? Такого человека буду я называть царем, почитать как монарха, быть ему верным как господину! Ничего подобного. Он враг. Составлять против него заговоры, братья против него за оружие, устраивать ему ловушки, противопоставлять ему силу — есть дело высокого духа, святое и самое необходимое» (Цит. по: Дживелегов 1924, 113; курсив мой. — В. Е.). Неудивительно, что в Италии XIV–XV веков не утихали вооруженные конфликты между городами, папским престолом и имперскими властями.

А разве иначе в той же фазе этногенеза чувствовали люди у нас? 30 октября 1927 года в связи с юбилеем октябрьского переворота И. А. Бунин подчеркивал: «Я лишь могу еще раз всеми силами души присоединиться к великому хору проклятий этому десятилетию...» (Бунин 1998, 259). «Проклятие» здесь отнюдь не проходная литературная гипербола. В конце жизни Бунин написал на портрете того самого А. М. Горького, у которого он издавал свои первые книги: «Полотер, вор, убийца» (Алданов 1998, 157). А там, где подобное эмоциональное противостояние вовсе не окрашивалось интеллигентской культурной рефлексией, писали воззвания вроде следующего. «И будем производить такую короткую расправу, что хуже которой не может быть. Одним словом, будем всех превращать, как говорится, в капусту», — говорилось о коммунистах в одном из обращений Ишимского восстания 1921 года в Тюменской губернии (Крестьянское восстание 2014). Пойманных комиссаров в Сибири действительно не жаловали: их заживо закапывали в землю, рубили топорами и пилили пилами. Но разве более кроткими были революционные матросы 1917 года, когда добивали штыками Главковерха Н. Н. Духонина, живьем спускали под лед офицеров и дробили им головы корабельными кувалдами? (Граф 1922, 283, 295).

Казалось бы, исходя из монистических социальных представлений, такие эпохи плохо подходят для расцвета культуры. От диктатуры тиранов, от массового террора творцы должны поневоле опускать руки, а высокое искусство — пребывать в забвении. Ан нет! В реальном поведении создатели величайших образцов культуры хоть и тяжело, но успешно творят в обстановке, о которой гениально написала А. А. Ахматова: «Слышим лишь ключей постылый скрежет / Да шаги тяжелые солдат». А все потому, что как в Италии XIV–XV веков,

так и в России XIX–XX веков это фазы надлома — сначала надлома скрытого, со стремлением к идеалу знания, а потом надлома явного, связанного со стремлением к идеалу политического успеха. Такое фазовое состояние как раз подразумевает то самое сочетание жестокой политической борьбы с высоким культурным творчеством. Как видим, учет пассионарного состояния суперэтнуса как внешнего ограничения для всякой цивилизации отнюдь не лишает культурологию привычного ей предмета исследования. По отношению к культурологии пассионарная теория этногенеза представляет собой внешний инструмент исследования.

Использование этого инструмента для исследований культуры вполне может дать импульс выработке новой, синергетической парадигмы для культурологии. Но эта благая перспектива станет реальной лишь в том случае, если мы не будем допускать безответственной деформации базовых понятий. Попытки смешения различных парадигм лишь умножат непонимание, а значит — не принесут ничего плодотворного ни культурологии с этнографией, ни пассионарной теории этногенеза.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Благодарности

Автор благодарит профессора Г. Г. Малинецкого (Институт прикладной математики РАН) за те содержательные обсуждения проблем синергетики, благодаря которым появилась эта работа. Признательность автора адресована доктору Александру Титову (Квинс Университет, Белфаст), споры с которым неизменно вдохновляли автора.

Acknowledgements

We extend our gratitude to Professor G. G. Malinetsky (Institute of Applied Mathematics, Russian Academy of Sciences) for the insightful discussions of synergetic problems that made this work possible. Our gratitude also goes to Dr. Alexander Titov (Queen's University, Belfast) for continuously inspiring debates with the author of this paper

Литература

- Алданов, М. А. (1998) «Приблизиться к русскому идеалу искусства». Из литературной переписки М. А. Алданова. *Октябрь*, № 6, с. 142–163.
- Бромлей, Ю. В. (1981) *Современные проблемы этнографии*. М.: Наука, 391 с.
- Бромлей, Ю. В. (1983) *Очерки теории этноса*. М.: Наука, 413 с.
- Бунин, И. А. (1998) *Публицистика 1918–1953 годов*. М.: Наследие, 640 с.
- Воробьев, С. В. (2003) Всероссийская партийная перепись 1922 г.: организация и проблема достоверности источника. В кн.: *Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Материалы V региональной научной конференции, декабрь 2002*. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, с. 37–40.
- Выдающиеся универсанты. (2025) *Санкт-Петербургский государственный университет*, 19 января [Электронный ресурс]. URL: <https://spbu.ru/history/vydayuschiesya-universanty> (дата обращения 19.01.2025).
- Глушков, В. М. (1986) *Кибернетика. Вопросы теории и практики*. М.: Наука, 488 с.
- Граф, Г. К. (1922) *На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию*. Мюнхен: Типография Р. Ольденбург, 480 с.
- Гумилев, Л. Н. (1989а) *Этногенез и биосфера Земли*. Л.: Изд-во Ленинградского государственного университета, 496 с.
- Гумилев, Л. Н. (1989б) *Древняя Русь и Великая Степь*. М.: Мысль, 764 с.
- Гумилев, Л. Н. (1990) *Этногенез и биосфера Земли*. Л.: Гидрометеиздат, 528 с.
- Гумилев, Л. Н., Ермолаев, В. Ю. (1992) Горе от иллюзий. *Вестник высшей школы (Alma Mater)*, № 7–9, с. 6–14.
- Дживелегов, А. К. (1924) *Начало итальянского Возрождения*. М.: Государственное издательство, 240 с.
- Ермолаев, В. Ю. (1990) Самоорганизация в природе и этногенез. *Известия Всесоюзного географического общества*, т. 122, № 1, с. 26–32.
- Ермолаев, В. Ю. (2002а) Однородные события в этногенезе: опыт оценки пассионарности субэтноса. В кн. Л. А. Вербицкая (ред.). *Учение Л. Н. Гумилева и современность. Т. 1*. СПб.: Изд-во Института химии СПбГУ, с. 76–81.
- Ермолаев, В. Ю. (2002б) К проблеме численной оценки уровня пассионарного напряжения суперэтноса. В кн.: Л. А. Вербицкая (ред.). *Учение Л. Н. Гумилева и современность. Т. 2*. СПб.: Изд-во Института химии СПбГУ, с. 50–58.
- Ермолаев, В. Ю. (2024) Украина. Мнимый выбор: к вопросу о суперэтнической границе. *История и современность*, № 1(51), с. 120–137. <https://doi.org/10.30884/iis/2024.01.06>
- Ермолаев, В. Ю., Малинецкий, Г. Г. (2024) Книгопечатание, искусственный интеллект и перспективы российского образования. *Искусственный интеллект: Теория и практика*, № 2 (6), с. 28–42.
- Иванов, К. П. (2002) Этнос: Категория или бытие? В кн.: Л. А. Вербицкая (ред.). *Учение Л. Н. Гумилева и современность. Т. 2*. СПб.: Изд-во Института химии СПбГУ, с. 23–50.
- Козлов, В. И. (1974) О биолого-географической концепции этнической истории. *Вопросы истории*, № 12, с. 72–85.
- Козлов, В. И. (1979) О классификации этнических общностей (состояние вопроса). В кн.: Ю. В. Бромлей (ред.). *Исследования по общей этнографии*. М.: Наука, с. 5–23.
- Крестьянское восстание 1921 года на Сорокинской земле. (2014) *Портал органов государственной власти Тюменской области*, 14 марта. [Электронный ресурс]. URL: https://sorokino.admtymen.ru/mo/Sorokino/about_ОМСУ/more.htm?id=11165666@cmsArticle (дата обращения 27.01.2025).
- Кропачев, Н. М., Новожилов, А. Г., Ярмош, А. С. (2024) Этнография и антропология в Санкт-Петербургском государственном университете: прошлое и современность. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*, т. 69, № 4, с. 829–848. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.401>
- Малинецкий, Г. Г. (2014) «В науке курс прежний — на развал» *Российская академия наук*, 08 августа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=6a76940a-c422-440e-82d0-5cb51796f4b5&print=1> (дата обращения 19.01.2025).
- Мосолова, Л. М. (2012) Введение. Актуальность и теоретические основания изучения поликультурного пространства России. В кн.: Т. Д. Булгакова, Н. Ю. Костюрина, Н. А. Кривич и др. *Культура Дальнего Востока России: в 7 книгах*. СПб.: Петрополис, с. 8–20.
- Новожилов Алексей Геннадьевич (2025б) *Научные исследования СПбГУ*, 12 января: [Электронный ресурс]. URL: [https://pureportal.spbu.ru/ru/persons/--\(fc0f3d21-f070-4c6d-b1fb-3a8fa7cde84b\)/publications.html?page=0&pageSize=100](https://pureportal.spbu.ru/ru/persons/--(fc0f3d21-f070-4c6d-b1fb-3a8fa7cde84b)/publications.html?page=0&pageSize=100) (дата обращения 12.01.2025).
- Новожилов, А. Г. (2012) Проблемы развития пассионарной теории этногенеза Л. Н. Гумилёва. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. Спец. выпуск, с. 164–176.
- Протоколы X съезда Российской Коммунистической Партии (большевиков)*. (1933) М.: Партиздат, 957 с.
- Троцкий, Л. (1917) *Перспективы русской революции*. Берлин: Изд-во И. П. Ладъжникова, 84 с.
- Шильдер, Н. К. (1901) *Император Павел I. Историко-биографический очерк*. СПб.: Издание А. С. Суворина, 606 с.
- Шильдер, Н. К. (1903) *Император Николай I, его жизнь и царствование. В 2 томах. Т. 1*. СПб.: Издание А. С. Суворина, 800 с.

References

- Aldanov, M. A. (1998) "Priblizits'ya k russkomu idealu iskusstva". Iz literaturnoj perepiski M. A. Aldanova ["To approach the Russian ideal of art". From the literary correspondence of M. A. Aldanov]. *Oktyabr'*, no. 6, pp. 142–163. (In Russian)
- Bromlej, Yu. V. (1981) *Sovremennye problemy etnografii [Contemporary problems of ethnography]*. Moscow: Nauka Publ., 391 p. (In Russian)
- Bromlej, Yu. V. (1983) *Ocherki teorii etnosa [Essays on the theory of ethnos]*. Moscow: Nauka Publ., 413 p. (In Russian)
- Bunin, I. A. (1998) *Publitsistika 1918-1953 godov [Journalism 1918-1953]*. Moscow: Nasledie Publ., 640 p. (In Russian)
- Dzhivelegov, A. K. (1924) *Nachalo ital'yanskogo Vozrozhdeniya [The dawn of the Italian Renaissance]*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 240 p. (In Russian)
- Ermolaev, V. Yu. (1990) Samoorganizatsiya v prirode i etnogenez [Self-organization in nature and Ethnogenesis]. *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*, vol. 122, no. 1, pp. 26–32. (In Russian)
- Ermolaev, V. Yu. (2002a) Odnorodnye sobytiya v etnogeneze: opyt otsenki passionarnosti subetnosa [Homogeneous Events in Ethnogenesis: An assessment of subethnos' passionarity]. In: L. A. Verbitskaya (ed.). *Uchenie L. N. Gumileva i sovremennost'. T. 1 [The teachings of L. N. Gumilev and modernity. Vol. 1]*. Saint Petersburg: Institute of Chemistry Saint Petersburg State University Publ., pp. 76–81. (In Russian)
- Ermolaev, V. Yu. (2002b) K probleme chislennoj otsenki urovnya passionarnogo napryazheniya superetnosa [On the numerical assessment of superethnos' passionary tension]. In: L. A. Verbitskaya (ed.). *Uchenie L. N. Gumileva i sovremennost'. T. 2 [The teachings of L. N. Gumilev and modernity. Vol. 2]*. Saint Petersburg: Institute of Chemistry Saint Petersburg State University Publ., pp. 50–58. (In Russian)
- Ermolaev, V. Yu. (2024) Ukraina. Mnimyj vybor: k voprosu o superetnicheskoy granitse [Ukraine. An imaginary choice: On the issue of a super-ethnic border]. *Istoriya i sovremennost' — History and Modernity*, no. 1 (51), pp. 120–137. <https://doi.org/10.30884/iis/2024.01.06> (In Russian)
- Ermolaev, V. Yu., Malinetskij, G. G. (2024) Knigopechatanie, iskusstvennyj intellekt i perspektivy rossijskogo obrazovaniya [Book printing, artificial intelligence and the prospects of Russian education]. *Iskusstvennyj intellekt: Teoriya i praktika*, no. 2 (6), pp. 28–42. (In Russian)
- Glushkov, V. M. (1986) *Kibernetika. Voprosy teorii i praktiki [Cybernetics: Questions of theory and practice]*. Moscow: Nauka Publ., 488 p. (In Russian)
- Graf, G. K. (1922) *Na "Novike". Baltijskij flot v vojnu i revolyutsiyu [On Board the "Novik": The Baltic Fleet in War and Revolution]*. Munich: R. Ol'denburg's Publ., 480 p. (In Russian)
- Gumilev, L. N. (1989a) *Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and the Earth's Biosphere]*. Leningrad: Leningrad State University Publ., 496 p. (In Russian)
- Gumilev, L. N. (1989b) *Drevnyaya Rus' i Velikaya Step' [Ancient Rus' and the Great Steppe]*. Moscow: Mysl' Publ., 764 p. (In Russian)
- Gumilev, L. N. (1990) *Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and the Earth's Biosphere]*. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 528 p. (In Russian)
- Gumilev, L. N., Ermolaev, V. Yu. (1992) Gore ot illyuzij [The misery of Illusions]. *Vestnik vysshej shkoly (Alma Mater)*, no. 7–9, pp. 6–14. (In Russian)
- Ivanov, K. P. (2002) Etnos: Kategoriya ili bytie? [Ethnos: Category or Being?]. In: L. A. Verbitskaya (ed.). *Uchenie L. N. Gumileva i sovremennost'. T. 2 [The teachings of L. N. Gumilev and modernity. Vol. 2]*. Saint Petersburg: Institute of Chemistry Saint Petersburg State University Publ., pp. 23–50. (In Russian)
- Kozlov, V. I. (1974) O biologo-geograficheskoy kontseptsii etnicheskoy istorii [On the biological-geographical concept of ethnic history]. *Voprosy istorii*, no. 12, pp. 72–85. (In Russian)
- Kozlov, V. I. (1979) O klassifikatsii etnicheskikh obshchnostej (sostoyanie voprosa) [On the classification of ethnic communities (current state of research)]. In: Yu. V. Bromlej (ed.). *Issledovaniya po obshchej etnografii [Studies in general ethnography]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 5–23. (In Russian)
- Krest'yanskoe vosstanie 1921 goda na Sorokinskoj zemle [Peasant uprising of 1921 in Sorokino land]. (2014) *Portal organov gosudarstvennoj vlasti Tyumenskoj oblasti — Portal of state authorities of Tyumen Region*, March 14 [Online]. Available at: https://sorokino.admtymen.ru/mo/Sorokino/about_OMSU/more.htm?id=11165666@cmsArticle (accessed 27.01.2025). (In Russian)
- Kropachev, N. M., Novozhilov, A. G., Yarmosh, A. S. (2024) Etnografiya i antropologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete: proshloe i sovremennost' [Ethnography and anthropology at saint petersburg state university: Past and present]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya — Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 69, no. 4, pp. 829–848. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.401> (In Russian)
- Malinetskij, G. G. (2014) "V nauke kurs prezhnij — na razval" ["In science, the course remains the same — towards collapse"]. *Rossijskaya akademiya nauk — Russian Academy of Sciences*, August 08. [Online]. Available at: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=6a76940a-c422-440e-82d0-5cb51796f4b5&print=1> (accessed 19.01.2025). (In Russian)

- Mosolova, L. M. (2012) Vvedenie. Aktual'nost' i teoreticheskie osnovaniya izucheniya polikul'turnogo prostranstva Rossii [Introduction. Relevance and theoretical foundations for studying Russia's multicultural space]. In: T. D. Bulgakova, N. Yu. Kostyurina, N. A. Krivich et al. *Kul'tura Dal'nego Vostoka Rossii: v 7 knigakh [Culture of the Russian far east: In 7 Books]*. Saint Petersburg: Petropolis Publ., pp. 8–20. (In Russian)
- Novozhilov, Aleksej Gennad'evich (2025b) *Nauchnye issledovaniya SPbGU — Scientific Research of Saint Petersburg State University*, January 12. [Online]. Available at: [https://pureportal.spbu.ru/ru/persons/--\(fc0f3d21-f070-4c6d-b1fb-3a8fa7cde84b\)/publications.html?page=0&pageSize=100](https://pureportal.spbu.ru/ru/persons/--(fc0f3d21-f070-4c6d-b1fb-3a8fa7cde84b)/publications.html?page=0&pageSize=100) (accessed 12.01.2025). (In Russian)
- Novozhilov, A. G. (2012) Problemy razvitiya passionarnoj teorii etnogeneza L. N. Gumileva [Problems in the development of L. N. Gumilev's passionary theory of ethnogenesis]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta — Vestnik of Saint Petersburg University*. Special Issue Dedicated to the 100th Anniversary of L. N. Gumilev's Birth, pp. 164–176. (In Russian)
- Protokoly X s'ezda Rossijskaya Kommunisticheskaya Partiya (bol'shevikov) [Proceedings of the 10th congress of the Russian Communist Party (bolshheviks)]*. (1933) Moscow: Partizdat Publ., 957 p. (In Russian)
- Shil'der, N. K. (1901) *Imperator Pavel I. Istoriko-biograficheskij ocherk [Emperor Paul I: A historical-biographical essay]*. Saint Petersburg: A. S. Suvorin's Publ., 606 p. (In Russian)
- Shil'der, N. K. (1903) *Imperator Nikolaj I, ego zhizn' i tsarstvovanie. V 2 tomakh. T. 1 [Emperor Nicholas I, his life and reign. In 2 vols. Vol. 1]*. Saint Petersburg: A. S. Suvorin's Publ., 800 p. (In Russian)
- Trotskij, L. (1917) *Perspektivy russkoj revolyutsii [Perspectives of the Russian Revolution]*. Berlin: I. P. Ladyzhnikov's Publ., 84 p. (In Russian)
- Vorob'ev, S. V. (2003) Vserossijskaya partijnaya perepis' 1922 g.: organizatsiya i problema dostovernosti istochnika [The 1922 All-Russian party census: Organization and the problem of source reliability]. In.: *Ural industrial'nyj. Bakuninskie chteniya. Materialy V regional'noj nauchnoj konferentsii, dekabr' 2002 [Industrial Urals. Bakunin Readings. Proceedings of the 5th Regional Scientific Conference, December 2002]*. Ekaterinburg: Liberal Arts University Publ., pp. 37–40. (In Russian)
- Vydayushchiesya universanty [Outstanding University Alumni] (2025) *Saint Petersburg University*, January 19. [Online]. Available at: <https://spbu.ru/history/vydayuschiesya-universanty> (accessed 19.01.2025). (In Russian)

Сведения об авторе

Вячеслав Юрьевич Ермолаев, SPIN-код: [8126-6143](https://orcid.org/0000-0001-8494-1083), ORCID: [0000-0001-8494-1083](https://orcid.org/0000-0001-8494-1083), e-mail: Ermolaev.vs@gmail.com
Кандидат географических наук, независимый исследователь

Author

Viacheslav Yu. Ermolaev, SPIN: [8126-6143](https://orcid.org/0000-0001-8494-1083), ORCID: [0000-0001-8494-1083](https://orcid.org/0000-0001-8494-1083), e-mail: ermolaev.vs@gmail.com
Candidate of Sciences (Geography), independent researcher